

Печатается по решению
кафедры русского языка
РГПУ им. А. И. Герцена

Издание осуществлено при поддержке Российского
гуманитарного научного фонда, грант 12-04-14105 г

Редколлегия:

В. Д. Черняк, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.)

В. А. Ефремов, д-р филол. наук, проф.

И. Н. Левина, канд. филол. наук, доц.

А. И. Дунев, канд. филол. наук, доц.

С48 Слово. Словарь. Словесность: (к 200-летию со дня рождения А. И. Герцена). Материалы Всероссийской научной конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 14–16 ноября 2012 г. / Отв. ред. В. Д. Черняк. – СПб.: САГА, 2012. – 408 с.

В сборник вошли материалы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А. И. Герцена. Конференция проводилась 14–16 ноября 2011 г. кафедрой русского языка РГПУ им. А. И. Герцена при финансовой поддержке РГНФ.

Программа конференции охватывала широкий круг проблем. Значительная часть докладов посвящена изучению творческого наследия А. И. Герцена – писателя, публициста, просветителя.

Другая часть докладов включала в себя широкий круг актуальных вопросов современной лингвистики: теория речевой коммуникации и языковой личности, достижения писательской лексикографии, описание грамматического строя русского языка, исследования художественного текста.

Издание адресовано специалистам по русистике, преподавателям, методистам, аспирантам, магистрантам и студентам высших учебных заведений.

© Коллектив авторов, 2012
© Издательство «САГА», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Лингвистические аспекты изучения творчества А. И. Герцена

<i>С. Г. Ильенко</i> . Пушкинские мотивы и интертекстуальные вкрапления на страницах «Былого и дум» А. И. Герцена	8
<i>К. А. Рогова</i> . А. И. Герцен: речевая реализация темы 14 декабря	16
<i>В. Д. Черняк</i> . «Риторическая тема» в «Былом и думах»	24
<i>Н. А. Николаина, М. Р. Шумарина</i> . К метаязыковому портрету А. И. Герцена	29
<i>Т. В. Голмарова</i> . «Чужих певцов блуждающие сны...» (о некоторых аспектах интертекстуальности в произведении А. И. Герцена «Былое и думы»)	34
<i>В. А. Ефремов</i> . Петербург глазами А. И. Герцена: эссе «Москва и Петербург»	39
<i>В. Г. Дидковская</i> . «...Богом и св. Софией хранимый град Новгород» («Былое и думы»)	45
<i>Р. Л. Смутаковская</i> . Свободный диалог в книге А. И. Герцена «С того берега»	49
<i>И. В. Столярова</i> . Историография и автобиография в «Письмах из Франции и Италии» А. И. Герцена	54
<i>Г. М. Васильева</i> . Культурно-лингвистический мир Гете в прозе А. И. Герцена	60
<i>И. Н. Левина</i> . Лексикографический потенциал ЛС-моделей и языковая картина мира политика (на материале «Былого и дум» А. И. Герцена)	64
<i>Р. И. Воронцов</i> . А. И. Герцен и развитие русской ономастической метафоры	70
<i>О. С. Ильина</i> . Образ Московского университета в «Былом и думах» А. И. Герцена	74

торговой марки «Кириешки»: *Кириешки. Настоящие сухарики*. С помощью приема поляризованной репрезентативности авторы данных рекламных текстов стремились подчеркнуть собственное превосходство над другими производителями аналогичной продукции. Несмотря на то что конкурент не был назван прямо, его имя легко угадывалось, следовательно, компания «Три корочки» в описанном случае подверглась дискредитации. В итоге Федеральная антимонопольная служба выдала компании «Сибирский берег» предписание разместить контррекламу, опровергающую прежние неместные высказывания в адрес конкурента.

В заключение еще раз подчеркнем, что главной целью применения стратегии дискредитации конкурентов в рекламной коммуникации далеко не всегда является намеренное умаление авторитета, подрыв доверия к какой-либо компании, товару или услуге. Довольно часто эта стратегия используется для того, чтобы более наглядно продемонстрировать собственные преимущества на фоне недостатков реальных или вымышленных конкурентов.

Литература

- О рекламе. Федеральный закон. – М., 2007.
Понарин Э., Дубровский Д., Толкачева А., Акифьева Р. Индекс (ин)толерантности в прессе // Язык вражды против общества: Сборник статей / Сост. А. Верховский. – М., 2007.
Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 2. – М., 1983.

Т. И. Краснова
Санкт-Петербург

Модализация и интенциональность в аспекте анализа идеологического дискурса

В речь вводится смысл и возникает целенаправленное высказывание, к которому может быть применен критерий идеологической оценки с концептом *приятие/неприятие*. Говоря об интенциональности речевых утверждений, британский философ Б. Рассел отмечал: «Анализ убежденности как состояния ее носителя не включает понятия

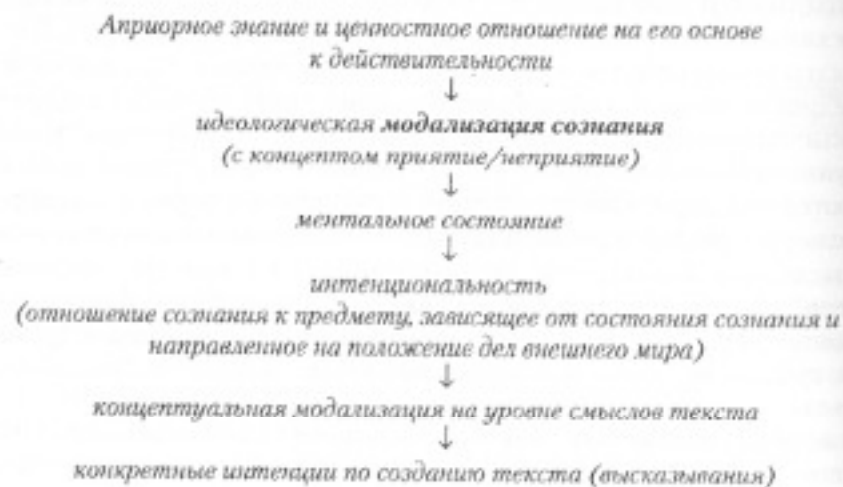
“истины” и “лжи”; поскольку мы рассматриваем убежденность с субъективной стороны, нам следует рассматривать предложения только как “выражающие” состояния тех, кто их употребляет. Но сказанное только *часть цели* использования предложения в изъяснительном наклонении; *другая цель* состоит в том, чтобы “указывать” на один и более фактов, которые вообще-то не являются состояниями личности, произносящей предложение» (Рассел 1999: 184; курсив наш. – Т. К.). Таким образом, утверждение имеет две стороны: субъективную и объективную. Субъективно утверждение «выражает» состояние сознания говорящего, которое принято называть «мнением». С позиций эпистемологии, можно говорить о двух идеологических функциях предикатов и в целом диктума – о сигнификативной (*интерпретирующей*) функции, о дейктической (*акцентуирующей*) функции. В то же время нельзя упускать из виду специфику дискурсивного подхода к анализу текстов как явлений обусловленных ментальностью, культурой, идеологией.

«Ментальность» (экзистенция) создается из мысли, так же как сущность духовности – из духа, а мир культуры – из культа (Колесов 2002: 397). В философии понятие «экзистенция» связывается с понятием *предикация* (Э. Мах, А. Дж. Айер, Б. Рассел, Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, А. Ф. Лосев; из лингвистов – Ю. С. Степанов, В. В. Колесов). Пространственно-временные координаты говорящего (актуализационная модальная рамка «я-здесь-сейчас») неразрывно связаны с предикацией. В соответствии с идеологическим пониманием модализации находится функция предиката с его способностью образовывать смысл высказывания *под диктатом* концепта «приятие»/«неприятие». Предикаты соответствуют не «вещам», а «отношениям». Само понятие предиката влечет за собой «идею всеобщей связи «фактов» в мире и связи «выражений» в языке» (Степанов 2010: 129). Предикаты выступают как особые семантические сущности языка, которые типизируются не в форме словарных единиц, глаголов, а в форме *пропозиционных функций* и соответствующих им схем предложений. В этом смысле актуализационные категории модуса в структуре синтаксической организации предложения включаются, чтобы отобразить состояние мира, причем не только внешнего, но и внутреннего. «Предикат сущностно всегда понимался как некое совпадение “внешних”, объективных отношений, существующих в мире, и “внутренних” отношений, существующих в акте предикации в нашем сознании» (Степанов 2010: 139). Физическое и психическое, объективное и субъек-

тивное в определенные моменты содержат общие элементы; *предикация осознавалась как связь и момент этой общности.*

В трактовке понятий «ментальное состояние» (интенциональность), «модализация», «картина мира» мы придерживаемся взглядов А.-Ж. Греймаса и Ж. Фонтанья (2007), синтезирующих психологическую природу порождения речи. Подчеркнем основное. Ментальное состояние понимается как «состояние вещей» в трансформируемом субъектом мире; но это также и «состояние души» субъекта-оператора, который готов к действию, и само переживание отношения в различных аспектах и трансформациях. Ментальное состояние уже предполагает концептуальную структуру и код, предшествующие речи. Эмоции, согласно данным психолингвистики, выступают как «наиболее глубокие формы категоризации, определяющие общие контуры выстраиваемого сознанием концептуального образа мира» (Оптимизация речевого воздействия 1990: 24). Переживание отношения выражается в модализации субъекта через модализацию объекта и вкладывается, благодаря языку, в дискурс (в речь и в тексты).

Мы выделяем дотекстовый и текстовый, то есть речевой, этапы модализации дискурса. В ментально-психологическом поле дискурса *дотекстовый* этап модализации высказывания можно представить как идеологически и психологически детерминированное пропозициональное отношение. Оно складывается на уровне сознания с учетом зависимостей в поле внутреннего.

Имея в виду *текстовый* этап модализации, отметим наиболее существенные моменты. Область модальных категорий так мало изучена, что до некоторых пор полагались в основном на предикат, на перечни модальных глаголов и эксплицитный модус в духе Ш. Балли. Теперь можно говорить о модализации и в узком, и в широком смысле. В *узком* смысле модализация включает в себя то, что традиционно называется модальностью (знание, хотение, долженствование, возможность-невозможность, уверенность-неуверенность и т. п.). Все известные нам модальности происходят из рациональной категоризации и составляют, таким образом, модальные структуры – часть инструментария «семиотики страстей» и способа интерпретации происходящего (Греймас, Фонтанья 2007). Другая же часть, если понимать модализацию в *широком* смысле, – это наблюдаемые на уровне поверхностных нарративных структур модальные устройства, охватывающие прагматическую и когнитивную области. Это пересечение множества структур, путь от одной модализации к другой в течение всего синтаксического развертывания. В силу этого предикат может быть *сверх-детерминирован*. Его идеологическое означивание может передаваться несколькими модусными категориями – актуализационными, квалификативно-оценочными, социальными. Так, в следующем высказывании грамматическая модальность предиката событийного действия (семантика обыденного настоящего в форме несов. вида глагола) интенционально сопряжена с модальностью обвинения: «...*слышат выстрелы на Софийской площади и на окраинах подола. Это – ваши ярые “співробітнікі” расстреливають ни в чем не повинных людей, попавших к ним в руки*». Модальная нагрузка определяет сначала предикат в его связывающей функции, а затем она способна распределяться, вкладываясь в каждую актантную позицию: в наименование агенса («ваши ярые “співробітнікі”») или пациенса («ни в чем не повинных людей»). Таким образом, к инструментарию модализации, помимо *наименований*, относятся *актанты* и *характер предикации* (агенса, пациенса и производимое действие). Иначе говоря, их концептуальное объединение, *интерпретация*. Актантные категории в их ролевой семантике, характер их обозначения в целом носят модальный характер и способны наделять собственным модальным статусом сообщение как «зрелище» (spectacle). Сама структура сообщения

предписывает определенное видение мира. Оно прямо связано с эпистемическим состоянием сознания того, кто говорит, а затем и того, кто воспринимает речь (Греймас 2004 : 192).

В междисциплинарных исследованиях, связавших в процессе разработки «теории речевых актов» лингвистическую философию и психологию, интенциональность относят к свойству многих ментальных состояний субъекта речи. Один и тот же объект может становиться разными предметами в зависимости от типа сознания: воспринимают этот предмет или судят о нем, ненавидят его или любят и т. п. В этом смысле говорят об «интенциональном существовании предмета внутри душевного акта» (Степанов 2010: 204). Отношение сознания к предмету может принимать различные модификации, зависящие уже не от предмета — от состояния сознания. В этой связи различают виды или «модусы интенциональности». Под этим названием Э. Гуссерль ввел, по существу, «субъективные модусы значения» (Степанов: там же), а М. М. Бахтин / В. Н. Волошинов отнесли такие значения к роду жизненных, психико-идеологических смыслов в составе социологической структуры высказывания (Волошинов 1995: 73, 75, 84, 151, 163–169, 221–228, 315). Очевидно и другое: проблема интенциональных актов относится к проблеме описания модальностей, которые известны под именем «пропозициональных установок» (типа «Он считает, что...»). По Э. Гуссерлю, не только языковое высказывание, но и любое познавательное «переживание» (восприятие, представление предмета) заключает в себе «значение», «смысл». Следовательно, *само значение слова, высказывания в дискурсе определяется тем, что в «переживании» заключено отношение к предмету.* Следует добавить: на уровне дискурс-анализа важен не столько даже фактор значения слова, сколько его иллюкативная сила — эффект значимости, выделенности образованного смысла, «матрицей» которого (местом образования) является дискурсная формация (ср. Квадратура 1999: 266).

Литература

Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка : основные проблемы социологического метода в науке о языке // В. Н. Волошинов. Философия и социология гуманитарных наук / вступ. ст. Н. Л. Васильева. — СПб., 1995.

Греймас А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода. — М., 2004.

Греймас А.-Ж., Фонтаней Ж. Семиотика страстей: от состояния вещей к состоянию души: пер. с фр. — М., 2007.

Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / пер. с фр. и португ. / общ. ред. П. Серно. — М., 1999.

Калесов В. В. Философия русского слова. — СПб., 2002.

Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. — М.: Наука, 1990.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства / отв. ред. В. П. Нерознак. 2-е изд. — М., 2010.

Рассел Б. Исследование значения и истины: пер. с англ. / общ. ред. Е. Ледников. — М.: Идея-Пресс, 1999.

Н. В. Данилевская, С. Е. Овсянникова
Пермь

Пренебрежение к речи или речевая агрессия?

(К вопросу о литературной норме
в современной массовой коммуникации)

Согласно теории диалогичности языка коммуникация предстает как взаимонаправленная речевая связь субъектов, а именно как особая система межличностного взаимодействия, осуществляемая посредством языка (см.: Бахтин 1979; Библер 1975; Кожина 1981, 1986; Кучинский 1983; Чепкина 1993, 1997 и др.). Понимаемый таким образом диалог предполагает *получателя речи* — обязательный и неизменный в любом типе текста учет второго лица, в том числе лишь предполагаемого и не поддающегося подсчету (ср. массового адресата в дискурсе СМИ). При этом получатель речи выступает таким же *активным* субъектом коммуникации, как и ее автор. Более того, активность адресата «заставляет» говорящего / пишущего контролировать и корректировать свою речь, выстраивать ее определенным образом, прогнозируя ситуации возможного непонимания, недопонимания или неточного истолкования тех или иных фрагментов текста. Диалогичность, таким образом, оказывается не просто данностью текста, а репрезентированным в языковых и речевых единицах